

ВЫРАЖЕНИЕ ВОПРОСА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Описанный в данной статье анализ показывает, что функционирование вопросительных предложений в общих чертах во всех трех языках совпадает. Они используются для выражения разных эмоциональных реакций (угроза, опасение, удивление, сожаление и др.).

В плане формальном в английском и лезгинском языках вопрос выражается не только синтаксически, но и морфологически — специальной грамматической формой слова или морфологической единицей, что составляет характерную особенность этих языков, отличающую их от русского.

Ключевые слова: вопросительные предложения, эмоциональные реакции, морфологическая единица, модальность, лезгинский язык.

Для сопоставления модальных значений ирреального плана, обозначаемых формами наклонений в сравниваемых языках, обычно берутся в качестве исходных основные значения морфологических и синтаксических наклонений хорошо изученных языков, к коим в данной статье относятся русский и английский, и выявляются способы их грамматического оформления в менее описанных (здесь — лезгинский язык). Это позволяет, с одной стороны, отталкиваясь от элементов содержательного плана, уточнить неоднозначно толкуемые в литературе значения морфологических форм ирреальных наклонений лезгинского глагола. С другой стороны, в русском и английском языках комплекс модальных значений описан не только на уровне морфологических форм выражения, но и на уровне синтаксиса. Это дает для анализа достаточно широкий набор ирреальных модальных значений, которые в лезгинском языке, в отличие от русского и английского, могут быть представлены специальными морфологическими формами. Конечно, целью данной статьи не является описание всего комплекса модальных значений и способов их выражения в сопоставляемых языках. Речь пойдет о правомерности отнесения вопросительного значения к сфере модальной семантики и способах выражения вопроса с модальным значением.

Основной целевой установкой вопроса является обращение к собеседнику, требующее ответа или разъяснения у него, т.е. побуждение слушателя к известному речевому акту, связанному с содержанием данного вопросительного предложения. «Иначе говоря, целевая направленность такого предложения — вызвать ответ, соотносительный с вопросом» [1.С.258]. Г. Пауль видит специфику вопроса в том, что он «занимает как бы промежуточное положение между положительным и отрицательным утверждением. Он выступает как нечто нейтраль-

* © Алиева Э.Н., 2009

Алиева Эльвира Низамиевна — факультет лингвистики и межкультурной коммуникации Московского института экономических преобразований

ное. Вопрос как таковой может быть облечен в форму утверждения или отрицания, нет существенной разницы между тем и другим случаем, но именно благодаря этой свободе выбора предпочтение отдается все же утвердительной форме — как более простой, а за отрицательной формой закрепляется функция выражения видоизменений и оттенков «чистого» вопроса» [2.С.161].

Из этих определений ясно: вышеприведенные авторы не относят различие в значении формы констатирующей и формы вопросительной к различиям модального характера на том основании, что вопрос может выражаться в разных наклонениях (например, *do you go? ходите ли вы?; would you go? пошли бы вы?* и т. п.), а это свидетельствует о невозможности отнесения вопросительной формы к категориальным формам наклонения: «тогда оказалось бы, что в одной словоформе, — например, *should (he) ask? Спроси (он)!* — совмещаются две категориальные формы одной и той же грамматической категории, что совершенно исключается» [3.С.89].

Сегодня не вызывает сомнения отнесение вопросительного значения к сфере модальной семантики. Сложность представляет то обстоятельство, что вопросительное значение входит в разные оппозиции: в противопоставление высказываний по коммуникативной целеустановке по линии *утверждение — вопрос — побуждение* и в противопоставление модальных значений по линии *реальность — гипотетичность — ирреальность* [4.С.303-304].

Вопросительные формы глагола [5,6] или же формы вопросительного наклонения [7-9] как средства грамматического оформления обращения за ответом к собеседнику выделяют практически все исследователи лезгинского языка. Не выделяется как самостоятельное вопросительное наклонение в работе Э.М. Шейхова [10.С.171-176]. Он считает, что модальное значение вопроса выражается в пределах изъявительного, уступительного и условного наклонений [10.С.174]. По нашему мнению, выделение вопросительного наклонения в лезгинском языке как самостоятельной грамматической формы является вполне оправданным.

Вопросительные предложения в любом языке обладают большей специфичностью в плане использования средств выражения, чем все другие виды предложения. В сравниваемых языках вопрос может выражаться интонацией, порядком слов, лексическими элементами (частицами, вопросительными словами), морфологическими единицами и т. д. Многообразии средств выражения вопроса свидетельствует об уникальности структуры данного типа предложения. Вопросительное предложение в английском языке в отличие от русского и лезгинского отличается инвертированным порядком слов. Однако для большинства английских вопросительных предложений при их построении характерны изменения не только в синтаксическом плане, но и в морфологическом, т.е. для английского вопроса присуще наличие в системе глагола особой морфологической формы для выражения вопроса, например: *Does she speak English?; When did he return?*

Вопросительное предложение в русском языке не характеризуется какой-либо специфической морфологической формой. Оно может выражаться интонацией, порядком слов, лексическими средствами: с помощью вопросительных слов, местоимений и наречий.

В лезгинском языке, как в русском и английском, также имеются различные лексические, синтаксические, интонационные способы выражения вопроса, в том числе выражение вопроса формами других наклонений. Но в отличие от русского и английского языков, в лезгинском языке имеется особая морфологическая единица, специально предназначенная для выражения вопроса. Это фор-

ма, образуемая присоединением к любой из форм изъявительного наклонения специального аффикса *-ни*.

Трактовка образования и значения этих форм, как правило, не вызывает в лезгиноведении разногласий, поэтому мы здесь на этом подробно не останавливаемся. Определение этой формы как самостоятельного наклонения можно аргументировать следующим образом. Вопросительное значение семантически производно от эпистемического значения сомнения, неуверенности, предположения о реальности некоторой ситуации. Сомнение в реальности (т.е. подозрение в ирреальности) ситуации вызывает потребность запроса информации о том, реальна она или ирреальна. Следовательно, семантика обращения за ответом относится к ирреальным значениям объективной модальности. И если это обращение за информацией о реальности действия оформляется специальной морфологической формой, то нет оснований не считать эту форму наклонением. Возможность выражения вопроса и другими средствами этому не препятствует.

В лезгинском языке вопрос выражается в основном **морфологической формой вопросительного наклонения**, образуемой присоединением аффикса *-ни* к временным формам изъявительного наклонения, а также при помощи специальных вопросительных слов *вуж?* 'кто?', *вуч?* 'что?', *мус?* 'когда?' и др. или частиц типа *жал*, *хьи* со значениями предположения и неожиданности соответственно в сочетании с интонацией. Вопрос может выражаться при специальном интонационном оформлении и формами других наклонений. Примеры: *Квез колхоздин мили жунагав акунани?* (Н.М.) «Вы нового колхозного бычка **видели?**»; *Вини Фатимадин арада са рахун-лубк Луьн хьанани?* (З.Э.) «Между тобой и Фатимой какой-нибудь разговор **был?**»; *Чи вац!ун эквериз килигиз к!ан яни ваз?* (К.М.) «**Хочешь** посмотреть на огни нашей реки?» Все эти предложения выражают объективную модальность, основанную на конкретном действии, о совершении которого говорящий хочет знать.

Вопросительные предложения могут быть нейтральны в плане наличия дополнительных оттенков субъективной модальности. В лезгинском языке единицы аналогичного содержания, как правило, фиксируются как формы изъявительного наклонения. Однако некоторые типы вопросительных высказываний могут быть окрашены субъективно-модальными значениями. Например, суждение, «которое один коммуникант предъявляет для оценки другому коммуниканту, в ответе которого, кроме категорических *Да* или *Нет*, может присутствовать и вся гамма эпистемической оценки от сомнения до уверенности» [11.С.17]. Ср., например: *И кар якъин яни?* — *Эхь* (А.Р.) «Это верно? — Да» и *Бес ваз ван хьаначни?* — *Ваъ!* (С.К.) «Неужели ты не слышал? — Нет»; *Мурад пака къведани?* «Мурад завтра **придет?**» — *Мумкин я* «Возможно» и *Белки къведа* «Может, и придет», *Гьелбетда* «Конечно», *Аквадай гьаларай, эхь* «Вероятно, да», *Заз чиз, ваъ* «Кажется, нет», *Бажсагъат* «Вряд ли».

Что касается собственно вопроса, то во всех трех сопоставляемых языках есть специальная форма разделительного вопроса (чаще употребляемая в разговорной речи), которая означает неуверенность говорящего в высказываемом суждении. Например: *Ам хквезва зулуз, тушни?* / Он придет осенью, **не так ли?** / He will come in autumn, won't he?; *Пака вун хуьруьз хъфизва, яни?* / Ты завтра едешь в село, **так ведь?** / You are going to the village tomorrow, aren't you? Однако анализ показал, что в английском языке чаще, чем в русском и лезгинском, используется разделительный вопрос, где утвердительная фраза переводится в вопрос при помощи вспомогательного глагола в соответствующем времени или вопросительной конструкции. В русском и лезгинском языках такая конструкция (со

словами *не так ли? не правда ли?*) используется реже, а усиление может быть выражено специальными частицами (в русском языке частицей *ведь*, в лезгинском — *бес*).

Вопросительные предложения предназначены и для сообщения вопроса, в котором заключено экспрессивно окрашенное отрицание, ср.: *бахт авач лугъуз са тике фу недачни?* (Ф.) «от того, что нет счастья, следует ли не кушать?» Обычное назначение таких предложений — это паремии. Их можно считать вопросительно-риторическими предложениями, содержащими уверенное экспрессивно окрашенное отрицание в форме вопроса, на который не ожидается ответ.

Вопросительно-риторические предложения содержат общий риторический вопрос, который не требует или необязательно требует получения ответа. В отличие от других видов вопросительного предложения вопросительно-риторическое предложение может содержать не только отрицание, но и скрытое утверждение.

Риторический вопрос сам является стилистическим средством воздействия на слушающих или собеседников, средством для выражения говорящим определенных эмоциональных оттенков своей мысли: сомнения, недоверия, возмущения, предположения, удивления, надежды и т.п. [12-14].

Вопросительно-риторические предложения являются одним из стилистических средств выразительной речи и широко реализуются в пословицах и поговорках. Обычная функция риторического вопроса в пословицах экспрессивная: вопросительная форма предложения придает ему возможность выражения глубоких эмоций.

Во всех трех сопоставляемых языках вопросительные формы глагола также могут выражать эмоциональную оценку ситуации говорящим: *Ваз гъикъван лугъудайди я са гаф?* «**Сколько** можно говорить тебе одно и то же?» *How long shall I tell you the same thing?* В этом контексте вопросительное предложение выражает эмоциональную функцию возмущения. Следовательно, речь идет об экспрессивной окрашенности вопросительного предложения. А вопросительные предложения типа: *Ваз гъикъван пул гъида?* «**Сколько** тебе принести денег?» *How much (money) shall I bring you?* выражают лишь запрос на получение информации и субъективно-модальными значениями не осложнены. Значит, мы имеем дело с вопросительной формой изъявительного наклонения.

Вопросительное наклонение может также выполнять функцию некатегорического побуждения к действию в виде приглашения, предложения и т.п.: *Чуна морожняр недачни?* «Мы мороженого **не поедем?**» *Shall we have some ice-cream?*; *Вагай гъилер къежир тавурт Ia жедачни?* «Ты **не можешь** не мочить руки?» *Can't you keep your hands dry?*

Вопрос иногда может нести семантику восклицания, когда ответ предполагается очевидным, содержащимся в самом вопросе: *Им вуч алапат я?! — Эминай гъарай акъатна* (К.М.) «**Какое** чудо?! — воскликнул Эмин»; *Вуч гуъзел я!* (К.М.) «**Какая** красавица!».

С фонетической стороны вопросительное наклонение отличается особой вопросительной интонацией, характеризующейся несколько более высоким тоном по сравнению с повествовательной интонацией. Наибольшее повышение голоса получает вопросительное, т.е. заключающее в себе вопрос, слово.

Мы не ставим здесь задачи описать вопросительное наклонение лезгинского языка как функционально-семантическое поле, т.е. классифицировать все средства выражения с выделением ядра и периферии. Тем не менее, можно утверждать, что основным способом выражения вопроса в лезгинском языке является

глагольная форма вопросительного наклонения. Это наиболее специализированное, не требующее дополнительных контекстуальных и особых интонационных условий и нейтральное в плане экспрессивных коннотаций средство выражения вопроса. Оно образуется регулярно и единообразно: исключительно прибавлением аффикса *-ни* к формам изъявительного наклонения (утвердительным и отрицательным). Этими формами можно выразить практически все первичные функции вопросительных предложений русского языка, выделяемые в «Русской грамматике» [15.С.394–395], кроме неопределенно-вопросительного значения, совмещающего вопрос с догадкой, предположением, неуверенностью, сомнением. Эту функцию выражает предположительное наклонение, образуемое присоединением аффикса *-m Ia* к временным формам изъявительного наклонения. Совмещение функций вопроса и предположения в вопросительном предложении русского языка свидетельствует о взаимообусловленности этих значений: исходным пунктом для вопроса являются сомнения, предположение. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, послужило причиной отнесения к вопросительному наклонению, наряду с формами на *-ни*, и форм предположительного наклонения в работе Р.И. Гайдарова [8]. Предположительное наклонение, как и изъявительное, конечно же, может использоваться для выражения вопроса. Но для этого в лезгинском языке предназначена, прежде всего, самостоятельная синтетическая грамматическая форма вопросительного наклонения.

Также в лезгинской и русской речи относительно чаще, чем в английском языке, используются вопросительно-отрицательные конструкции для выражения предположения, сомнения и других оттенков. В русском языке подобного типа предложения могут образовываться, в том числе, и с помощью специальных частиц (Разве ... не ...? / Неужели), а в английском и лезгинском — без каких-либо добавочных слов (*Don't you know? Ваз ван хьаначни? Разве ты не знаешь?*). Русское вопросительно-отрицательное предложение без таких частиц выражает слабую вероятность события (Ты не слышал? = Может быть, ты слышал?) и обычно соответствует в английском языке вопросу без отрицания (*Did you read my book?. — Ты (не) читал мою книгу?*). В некоторых случаях в английском языке оттенок сомнения или предположения может передаваться простым вопросительным предложением, а переводиться на русский язык вопросительно-отрицательной конструкцией: *Can he have already mastered this most difficult skill? (J.F) Неужели он уже овладел этим труднейшим искусством?*

Наконец, как было сказано выше, при отсутствии морфологических средств собственно вопросительное предложение лезгинского языка может оформляться специальной вопросительной интонацией: *Вун инрихъ акъатна хьи, хийир-хабар?* (К.М.) «Ты как сюда попал, какие вести?».

Особо следует отметить роль побудительной частицы *хьи* в вопросительно-побудительных предложениях лезгинского языка, которая в данном контексте соответствует приблизительно русским частицам *же, ведь*, которые также придают оттенок побуждения, подталкивания к действию с некоторым нюансом удивления, разочарования, неожиданности.

При этом в лезгинском предложении при относительно свободном порядке слов всего предложения частица *хьи* имеет твердое место после сказуемого, в конце предложения. Названная частица, как бы ослабляя вопрос, выраженный в предложении, стимулирует скрытый под вопросом призыв к действию: *Вуч хабар я, на цан цун башламишнавач хьи?* (К.М.) «В чем дело, ты не начал пахоту?»; *Ада вичел алай бурж гилани ахкузвач хьи?* (Ф.) «Что-то он до сих пор не отдает свой долг?»

Итак, функционирование вопросительных предложений в общих чертах во

всех трех языках совпадает. Они используются не только в своих первичных функциях, для выражения собственно вопроса, но и во вторичных, для выражения так называемого риторического вопроса, побуждения, уточнения, разных эмоциональных реакций (угроза, опасение, удивление, сожаление и др.). В текстах сравниваемых языков собственно вопрос выражается в 40-45% всех вопросительных предложений; остальное падает на их вторичные функции.

В плане формальном в английском и лезгинском языках вопрос выражается не только синтаксически, но и морфологически — специальной грамматической формой слова или морфологической единицей, что составляет характерную особенность этих языков, отличающую их от русского. Правда, следует отметить, что хотя в подавляющем большинстве случаев для выражения значения вопроса английский и лезгинский языки прибегают к помощи морфологии, во всех трех сопоставляемых языках номенклатура средств выражения модальной семантики в вопросе одинаковая.

Библиографический список

1. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Изд-во литературы на ин.языках, 1957. — 287 с.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. — М., 1960. — 500 с.
3. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Изд-во литературы на ин.языках, 1959. — 440 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Жирков, Л.И. Грамматика лезгинского языка / Л.И. Жирков. — Махачкала, 1941. — 132 с.
6. Талибов, Б.Б. Грамматический очерк лезгинского языка / Б. Талибов, М. Гаджиев // Лезгинско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — С. 538–602.
7. Мейланова, У.А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков / У.А. Мейланова // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XIII. Сер. филол. — Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1967. — 5–25 с.
8. Гайдаров, Р.И. Морфология лезгинского языка: учебное пособие / Р.И. Гайдаров. — Махачкала: ДГУ, 1987. — 164 с.
9. Haspelmath, M. A Grammar of Lezgian / M. Haspelmath. — Berlin, 1991. — 535 p.
10. Шейхов, Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Морфология / Э.М. Шейхов. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. — 215 с.
11. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. — Воронеж: ВГУ, 1985. — 180 с.
12. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. — 2-е изд. — М., 2008. — 120 с.
13. Кибрик, А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка / А.Е. Кибрик. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — Т.2. — 260 с.
14. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика английского языка: учебное пособие для вузов / И.П. Иванова. — М.: Высш. школа, 1981. — 285 с.
15. Русская грамматика. Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — Т. 2. — 216 с.

**Список используемых сокращений
(авторы фразовых примеров на лезгинском языке)**

Н.М. – Нажмудин Самур

З.Э. – Зияудин Эфендиев

К.М. – Кияс Меджидов

С.К. – Садекет Керимова

А.Р. – Абдул Раджабов

J.F. – John Robert Fowles

Ф. – Лезгинский фольклор. – Махачкала, 1941 (на лезг. языке).

E.N. Alieva

**THE WAYS OF EXPRESSING INTERROGATION IN THE RUSSIAN>
ENGLISH AND LEZGIN LANGUAGES**

The analysis described in this article shows that the functioning of interrogative sentences in all the three languages generally coincides. They are used for expressing different emotional reactions: threat, fear, surprise, regret etc.

As for its formation, the interrogation in English and Lezgin is expressed not only by syntactic means but also morphologically, i.e. by a special grammatical form of a word or morphological unit, that is a characteristic feature of these languages, distinguishing these languages from Russian.

Key words: interrogative sentences, emotional reactions, morphological unit, modality, Lezgin language.